

С. И. Марахонова

ОРДЕН СВЯЩЕННОГО
СОКРОВИЩА
СЕРГЕЯ ЕЛИСЕЕВА

セルゲイ・エリセーエフ

Serge & Lissacoff

На первой странице обложки:

Ито Якутю. Луна. Цветение сливы.

XVIII в. Шелк, водорастворимые краски.

Из книги «Бабочки и хризантемы. Японская классическая поэзия IX–XIX веков». СПб., 2015.

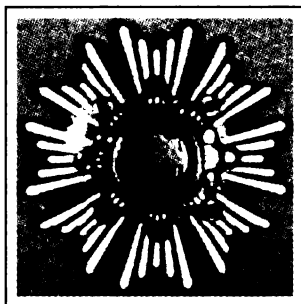
Российская академия наук
Институт восточных рукописей (Азиатский музей)

С. И. Марахонова

ОРДЕН СВЯЩЕННОГО
СОКРОВИЩА
СЕРГЕЯ ЕЛИСЕЕВА

Как сын русского купца стал основателем
американского японоведения

Санкт-Петербург
СИНЭЛ
2016

ББК 63(5Япо)гЕлисеев
УДК 929Елисеев:94(520)
М25

Книга рекомендована к печати
Ученым советом Института восточных рукописей РАН

Рецензенты:

Доктор филологических наук *И. В. Кульганек*

Главный библиограф Центра генеалогии РНБ *А. В. Краско*

М25   Орден Священного сокровища Сергея Елисеева. Как сын русского купца стал основателем американского японоведения — С. И. Марахонова ; Ин-т вост. рукописей РАН (Азиатский музей). — Санкт-Петербург : СИНЭЛ, 2016. — 432 с. : ил.

ISBN 978-5-9908187-6-7

Настоящая книга представляет собой первую в мировой практике научную биографию выдающегося русского, французского, американского японоведа Сергея Григорьевича Елисеева (Serge Elisséeff), потомка известной в России династии купцов Елисеевых, покинувшего Россию в 1920 г. Она написана на основе документов из архивов России, Японии, Франции и США и свидетельств родственников Елисеева из ряда стран. В ней рассказано об учебе С. Г. Елисеева в Токийском императорском университете, первым выпускником-европейцем которого он стал в 1912 г. Рассмотрен его вклад в развитие японоведения в России и его научно-педагогическая деятельность в эмиграции. В Париже он преподавал в Школе живых восточных языков и Практической школе высших исследований при Сорбонне и более 20 лет проработал в Гарварде в должности первого директора Института Гарвард — Яньцзин и профессора Гарвардского университета. Там он по сути стал основателем школы современных американских исследований Дальнего Востока, прежде всего, Японии. Рассказывается о подготовке Елисеевым военных переводчиков и консультировании американского правительства по японским вопросам во время Второй мировой войны. Рассматривается его роль в спасении Киото от бомбардировок американской авиацией. Книга содержит малоизвестные данные о коллегах С. Г. Елисеева и круге его общения. Приводятся оригинальные фотографии, полученные от родных и друзей семьи Елисеевых. В приложениях публикуются дневники и письма ученого.

Книга предназначена для востоковедов, историков, культурологов, историков науки и русской эмиграции, а также широкого круга людей, интересующихся этими вопросами и историей жизни соотечественников, в силу исторических обстоятельств реализовавших себя не в России, а за ее рубежами.

Serge Elisséeff's Order of the Sacred Treasure. How the Son of a Russian Merchant Became the "Father" of the American Japanology — S. I. Marakhonova; The Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (Asiatic Museum). — Saint-Petersburg: SINEL, 2016.

This book is the first scientific biography of the outstanding Russian, French and American Japanologist Sergei Grigorievich Eliseev (Serge Elisséeff), a descendent of the Eliseevs dynasty of merchants, well-known in Russia. It is based on archive documents from Russia, Japan, France and USA and dialogues with Elisséeff's relatives from several countries. The book describes his study at the Tokyo Imperial university where he was the first European graduate in 1912. His role in the development of the Russian Japanology and his scientific and pedagogical activities in emigration are shown. In Paris he taught at the School of Oriental Languages and the Practical School of Research. In USA he was the first Director of the Harvard-Yenching Institute and a Professor at the Harvard University. He was called "The Father" of the Far-Eastern studies in the USA. The book describes Elisséeff's training of the military interpreters and his work as the USA government consultant during World War II. He played an important role in saving Kyoto from American bombing. Previously unknown facts concerning Elisséeff's colleagues, friends and relatives are presented. The book has many original pictures granted by Elisséeff's relatives and friends. Attachments contain diaries and letters of the scholar. The book is written for orientalists, historians, culturologists, historians of science and Russian emigration, and a wide range of readers interested in the lives of compatriots who realized themselves out of Russia due to historic circumstances.

ББК 63(5Япо)гЕлисеев
УДК 929Елисеев:94(520)

Издание книги осуществлено при благотворительной поддержке компании «JTI Россия».
The book is published with the charity support of the "JTI Russia" Company.

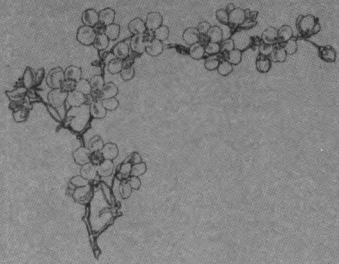
Материальная возможность работы по сбору необходимых документов в Японии и Франции была обеспечена Японским фондом (Japan Foundation) и французским Домом наук о человеке (Fondation Maison des Sciences de l'Homme).

© Институт восточных рукописей РАН (Азиатский музей), 2016
© С. И. Марахонова, текст, 2016

Многолетняя работа над этой книгой в ряде городов и стран помимо решения основной задачи имела и «побочный» результат — знакомство и сотрудничество со многими замечательными и очень разными людьми, которые охотно делились с автором своими знаниями и уникальными документами.

Мне приятно выразить искреннюю признательность моим коллегам, друзьям и знакомым: Даниэль Елиссеефф и Ариадне Елиссеефф (обе — Франция), Пьеру Елиссеефф (США), Всеволоду Владимировичу Лонгинову, Юрию Дмитриевичу Лонгинову, Елене Тихоновне Захаровой, Андрею Игоревичу Андрееву-Твердову, Наталье Николаевне Придыбайло, Владимиру Григорьевичу Чичерюкину-Мейнгарду, Тамаре Джакешевне Исмагуловой, Надежде Юрьевне Алексеевой, Аглае Ашешовой (Франция), Икэхара Марико (США), Хосокава Арата (Япония) за предоставленные документы, фотографии и устные свидетельства; Владимиру Андреевичу Росову и Владимиру Леонидовичу Успенскому за ряд материалов и высказанные замечания по рукописи; Людмиле Михайловне Ермаковой (Япония) за японские книги; Диане Гургеновне Кикнадзе, Федору Витальевичу Кубасову, Каринэ Генриховне Маранджян, Василию Владимировичу Щепкину (все — ИВР РАН и СПб ГУ), Камитакэ Киэко и Петру Эдуардовичу Подалко (оба — Япония) за переводы с японского языка и консультации; Татьяне Александровне Пан (ИВР РАН) за переводы китайских терминов и названий; Василию Элинарховичу Молодякову, Наганава Мицуо, Накамура Ёсикадзу, Нумано Мицуёси (все четверо — Япония), Алле Владимировне Краско, Кириллу Михайловичу Александрову, Владимиру Юрьевичу Черняеву, Елене Пантелеевне Яковлевой, Елизавете Александровне Легеньковой, Ирине Владимировне Кульганек и Валентину Цуньлиевичу Головачеву за консультации; Уильяму Керинсу и Ирине Тапия-Керинс за материальную поддержку моей работы в архивах Гарварда. Я также очень признательна фотографу ИВР РАН Светлане Львовне Шевельчинской за изготовление части иллюстраций и Марине Даниловне Чернышевой за помощь в организации проекта. Особая благодарность моей семье — мужу Владимиру Ивановичу и сыну Ярославу Владимировичу Марахоновым за постоянную поддержку, дельные советы, переводы с японского, незаменимую организационную и техническую помощь. И самая глубокая признательность моему доброму другу и коллеге Мацубара Хитоси (Япония; Санкт-Петербург), без которого эта книга не была бы опубликована, за материалы и переводы, за обсуждения темы и просто за дружеское участие и доброжелательность.

I would like to express my warm thanks
to Danielle Elisséeff and Ariadne Elisséeff from France; Pierre Elisséeff,
Mariko Ikehara, William Kerins and Irina Tapia-Kerins from USA; Kamitake Kieko,
Hosokawa Arata, Naganawa Mitsuo, Nakamura Yoshikazu
and Numano Mitsuyoshi — all of them from Japan.
And my most sincere gratitude belongs to my dear friend and colleague
Matsubara Hitoshi.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сергей Григорьевич Елисеев, выдающийся японист современности, всемирно признанный ученый и педагог, основатель дальневосточного направления исследований в США, создатель научного японоведения во Франции, принадлежал к числу первых русских японистов.

Японоведение в России имело непростую, а в первой половине XX века подчас трагическую, судьбу. Это востоковедческое направление на факультете восточных языков (ФВЯ) Санкт-Петербургского университета, основанном в 1855 г., возникло позднее других. В 1870 г. профессор-китаевед В. П. Васильев¹, вскоре ставший деканом ФВЯ, сделал представление «о необходимости преподавания японского языка, уже введенного в Париже и в Вене, и у нас на китайско-монгольском разряде» и получил положительное решение руководства университета. Таким образом Санкт-Петербург стал третьим в Европе городом, где началось изучение японского языка в высшем учебном заведении [Рукописи, 2012. С. 98; Икута, 2014. С. 70].

Преподавать японский язык на безвозмездной основе взялся японец Татибана Косай (Яматов), работавший в Азиатском департаменте МИД². С октября 1870 г. до своего отъезда в Японию в мае 1874 г. дважды в неделю он давал уроки японского на факультете восточных языков. В 1874–1876 гг. преподавателем японского языка был сотрудник японской дипмиссии Ниси Токудзиро (1847–1912), в 1881–1884 гг. — дипломат Андо Кэнсэ (1854–1924), в 1888–1916 гг. в этой должности служил Куроно Ёсибуми³ [Икута, 2014. С. 71]. В 1887 г. декан ФВЯ востоковед-арабист барон В. Р. Розен (1849–1908) предложил В. Я. Костылеву⁴, только что окончившему факультет, доцентуру по японскому языку, но тот предпочел работу по линии МИД

в самой Японии [ИВР РАН. АВ. Ф. 65, оп. 1, ед. хр. 65, б/л]. В рамках китайско-маньчжурско-монгольского разряда японский язык был факультативным, но уже назрела необходимость сделать его профильным. Для подготовки японоведов-профессионалов нужна была отдельная кафедра — кафедра японской словесности. Наконец, в феврале 1898 г. было получено разрешение на создание кафедры и содержание одного профессора. В отсутствие В. Я. Костылева, который к тому времени был практическим знатоком Японии и ее языка, большого выбора в плане преподавания японского у руководства факультета не было. Поэтому в Японию для усовершенствования навыков в языке был срочно послан недавний выпускник ФВЯ китаист Е. Г. Спальвин⁵, которого предполагалось назначить профессором на вновь организованную кафедру. Он немного занимался японским у Куроно Ёсибуми. Однако менее чем полтора года спустя Е. Г. Спальвин уехал во Владивосток в только что открытый Восточный институт, работа в котором оказалась для него более привлекательной.

Кафедра японской словесности в Санкт-Петербургском университете, таким образом, оставалась вакантной до 1907 г., и студентов туда не набирали. Куроно продолжал преподавать японский язык как предмет по выбору учащихся. Весной 1907 г. В. Я. Костылеву, очевидно, было предложено начать работу на кафедре, но он долго не мог принять решение из-за сложных отношений с Куроно Ёсибуми, который не признавал его компетентности в японском языке. Это было несправедливо, т. к. Костылев учился японскому у Куроно еще в 1875 — январе 1876 г. (очевидно, частным образом), а затем до 1901 г. находился в Японии, где «имел возможность ознакомиться с японским языком и, пользуясь этим знакомством, издать “Очерк истории Японии”, составленный по японским источникам» [АВ. Ф. 65, оп. 1., ед. хр. 65, б/л]. Наконец, 1 сентября 1907 г. в письме декану ФВЯ В. А. Жуковскому (1858–1918) он сообщил о своем решении: «Так как кафедра японского языка на факультете восточных языков СПб университета остается вакантной, а потребность в изучении японского языка растет и может стать насущною, имею честь предложить факультету свои услуги по преподаванию японского разговорного языка в качестве приват-доцента. Я готов буду подробно прочесть <нрзб> студентам курс грамматики японского разговорного языка, курс грамматики японского письменного языка, ознакомить их с географией, историей и бытом Японии и дать мне возможность продолжения занятий по японскому книжному, задавая целью, чтобы студент мог в значительной степени овладеть японским языком, и совершенствование в этом языке на месте деятельности не встречало неудобства в недостатке подготовки. Состоящий при факультете лектор-японец будет в этом случае полезен тем, что ознакомит студентов с японскими азбуками на практике и со временем прочтет наиболее удобные образчики из тех пяти стилей, которые существуют в японской письменности» [Там же]. Таким образом, заявивший обширную программу преподавания В. Я. Костылев способствовал профессионализации новой кафедры, но проработал в университете всего лишь три или четыре семестра.

В 1909–1912 гг. японский язык на кафедре преподавал хорошо подготовленный переводчик, выпускник Восточного института 1905 г Г.И.Доля⁶. Блестяще владея языком, Доля, по-видимому, не обладал призванием к преподаванию. И студентам, и ему самому на занятиях быстро становилось чрезвычайно скучно. К тому же, как чиновник МИД, он имел ограниченные возможности для работы в университете (только утренние часы). Доля преподавал эпистолярный стиль японского языка (соробун), китаизированный японский язык (камбун), образцы современной и классической литературы, газетные статьи [Рыбин, 2005. С. 20]. С осени 1912 г. в связи с отъездом Доли по линии МИД за границу преподавание было поручено приват-доценту, затем профессору кафедры китайско-маньчжурской словесности А.И.Иванову⁷, недостаточно владевшему японским языком [Икута, 2014. С. 70–77]. Он читал студентам разнообразные курсы: грамматика разговорного языка и чтение текстов, грамматика книжного языка и чтение литературных памятников, камбун, чтение образцов современной японской литературы, образцов поэзии из «Мангёсю»⁸ и «Кокинсю»⁹. В 1912 г. Иванов стажировался в Японии, однако, по свидетельству Н. А. Невского, он не знал японского чтения иероглифов. Поэтому обучавшийся у него Н. А. Невский долгое время читал их по-китайски. Все отмечали, что носитель языка Куруно, давно оторванный от родины, не был знаком с изменениями, которые произошли в живом языке. Во время первой практики в Японии Невский просто не был понят японцами, т. к. говорил на «языке классического средневековья» [Рыбин, 2005. С. 20; Громковская, Кычанов, 1978. С. 25–32]. В связи с недостаточным уровнем преподавания японского языка на ФВЯ все студенты-японисты начала 1910-х гг. прошли подготовку в Практической восточной академии у Д. М. Позднеева, который в 1905–1910 гг., находясь в Японии, блестяще изучил страну и ее язык.

Таким образом, японоведение, формально ведущее свою историю из Санкт-Петербурга, уступило первенство Восточному институту во Владивостоке, где уже в 1899 г. было основано японско-китайское отделение. Основным на нем было изучение японского языка, литературы, истории, географии и особенностей страны. Тогда же был проведен первый набор студентов, из которых до выпуска, преодолевая все трудности обучения, дошел только один — П. Ю. Васкевич¹⁰. Очевидно, именно Васкевича, как полагает П. Э. Подалко, следует считать первым русским профессионально подготовленным японоведом, хотя первым (используя разные критерии оценки) называют и Е. Г. Спальвина, и Д. М. Позднеева, иногда В. Я. Костылева. Другое дело, что Васкевич по окончании Восточного института, целью которого было готовить востоковедов-практиков (в отличие от академического Петербургского востоковедения), сделал дипломатическую, а не научную карьеру.

С конца 1915 г. приват-доцентом кафедры японской словесности был назначен выпускник Токийского императорского университета Сергей Григорьевич Елисеев, а немного позже на кафедру было принято сразу несколько молодых преподавателей-японоведов, каждый из которых был по-своему очень талантлив, — Евгений

Дмитриевич Поливанов (1891–1938), Мартин Николаевич Рамминг (1889–1988), чуть позже Оттон Оттонович Розенберг (1888–1919). Именно тогда сложились очень благоприятные условия для быстрого и разностороннего развития этой области русского востоковедения. Все эти молодые, вдохновенные и преданные науке молодые люди были первыми русскими профессиональными преподавателями японоведческих дисциплин в Петроградском университете. Каждый из них специализировался на наиболее интересной для себя области японоведения, а все вместе они охватывали всесторонние исследования Японии. Еще четверо более молодых, но не менее одаренных и многообещающих, — Николай Александрович Невский (1892–1937), Николай Иосифович Конрад (1891–1970), братья Орест Викторович (1892–1970) и Олег Викторович (1893–1929) Плетнеры — готовились к преподаванию и научной деятельности. Русское японоведение уверенно выходило на международную арену. Однако из всей этой замечательной молодой когорты в Советской России остался лишь один Н. И. Конрад.

В 1919 г. безвременно ушел из жизни бежавший из Петрограда в Эстонию О. О. Розенберг, блестящий знаток дальневосточного буддизма, участник издания серии “*Bibliotheca Buddhica*”¹¹, один из составителей китайско-японско-русско-английского словаря, развивший графическую систему поиска иероглифов В. П. Васильева. В 1930-х гг. были репрессированы как «японские шпионы» и погибли замечательный лингвист Е. Д. Поливанов, занимавшийся теоретическими и практическими вопросами языкознания и создавший применяемую по настоящее время русскую практическую (поливановскую) транскрипцию японских слов, и Н. А. Невский — автор мирового научного открытия, первым осуществивший дешифровку тангутской письменности из мертвого города Хара-Хото. Умер молодым Ол. В. Плетнер, интересовавшийся японской литературой, но вынужденный, как востоковед «советского образца», заниматься социально-экономическими проблемами современной Японии. В чужих странах построили свою научную карьеру японист-историк М. Н. Рамминг и лингвист, прежде всего фонетист, автор ряда учебных пособий по русскому языку для японцев, Ор. В. Плетнер. С. Г. Елисеев, в первую очередь литературовед и историк искусства стран Дальнего Востока, волею судеб проявил свои недюжинные способности во Франции и особенно в США.

Американские востоковеды до сих пор с глубоким уважением относятся к русскому ученому, который построил в США систему дальневосточных научных исследований и предложил новую методику преподавания языков. До С. Г. Елисеева уровень изучения истории и культуры Дальнего Востока в США был невысок. В этой области работали несколько европейских ученых, но они не сумели привить американцам интерес к ним и не смогли за несколько десятилетий подготовить даже собственную смену. Нужен был Серж Елисеев (*Serge Elisséeff*), прекрасно обученный профессионал, который соединил присущее ему знание современного Дальнего Востока и современных языков, что более всего было привлекательным для американцев, с традициями классической европейской научной школы восто-

коведения. Ученые и профессора в западных университетах специализировались на изучении и преподавании мертвых языков, санскрита и буддийской философии. Елисеев поставил во главу угла современный китайский и японский языки. Через их освоение он подводил слушателей к пониманию более ранних форм языка и традиционной культуры Дальнего Востока [Reischauer, 1957. P. 1–35]. Елисеев поднял изучение Японии на Западе на принципиально иной уровень. До его приезда ряд ученых достиг некоторых успехов в исследовании японской истории и культуры, но, никогда не бывавшие в Японии и, как правило не знавшие ее языка, эти ученые были очень ограничены в своих возможностях. С другой стороны, любители — дипломаты и миссионеры, которые прожили в стране достаточно долго, чтобы хорошо изучить ее язык и культуру, не обладали необходимыми научными знаниями. С. Г. Елисеев счастливо соединил в себе глубокое внутреннее постижение Японии с европейской востоковедной подготовкой.

Сергей Григорьевич Елисеев прожил долгую жизнь — 86 лет. Она была, при всем трагизме, без сомнения, яркой, удивительной и необычной. Из своих 86 лет в России Елисеев провел всего лишь 24: 18 лет до поездки в Японию и 6 лет, вернувшись из нее начинающим востоковедом. Первый и в то время единственный европеец, получивший высшее образование на историко-филологическом факультете Токийского императорского университета, 6 лет изучавший японский язык и Японию «вживую», Сергей Елисеев сразу же стал особым явлением в русском японоведении той поры. Хотя все другие молодые японоведы тех лет, речь о которых шла выше, также стажировались в «стране изучаемого языка», уникальность положения Елисеева состояла в том, что его восприятие Японии началось с чистого листа, практически без предварительной языковой и страноведческой подготовки вне страны. Его обучение азам японского и китайского языков в течение трех семестров 1907/08 учебного года в Берлинском университете вряд ли можно считать существенным.

Заслужив мировое признание, японовед Сергей Григорьевич Елисеев, русский эмигрант, оказался, однако, почти забыт на своей родине. В СССР о нем знали мало, хотя, пока была возможность, он активно переписывался с советскими коллегами. Его имя замалчивалось, труды его (даже его единственная работа на русском языке — очерк «Японская литература» в сборнике «Литература Востока») были мало-доступны¹², изучение его научного творчества и жизненного пути не проводилось. Востоковеды других специальностей до сих пор почти ничего не знают ни о самом Елисееве, ни о его заслугах перед мировой наукой. Оставшиеся в Ленинграде и Москве памятниками купеческому роду знаменитые «елисеевские» магазины не позволили забыть Григория Григорьевича Елисеева, но его знаменитый сын-ученый потерял право на признание на своей родине. Отношение к эмиграции, пусть и вынужденной, было в то время однозначно отрицательным.

О Сергее Григорьевиче Елисееве на русском языке написано очень мало, а если учесть масштаб его личности как ученого и как человека, — практически ничего.

В советский период ему не было посвящено ни одной научной статьи, были лишь два кратких упоминания в специальной литературе — две страницы в статье А. А. Бабинцева о русских японистах начала XX в. и полстраницы текста в статье о развитии отечественной японистики, написанной В. Н. Гореглядом для сборника по истории Азиатского музея/ЛО ИВ АН СССР [Бабинцев, 1968. С. 133–134; Азиатский музей, 1972. С. 187]. По известным причинам имя Сергея Елисеева не попало в вышедший двумя изданиями библиографический словарь отечественных востоковедов [Милибанд, 1975, 2008]. Зато о Сергее Елисееве и его сыновьях-востоковедах Никите и Вадиме Елисеевых написано в не так давно изданном в Париже словаре французских востоковедов [Dictionnaire, 2008].

Наконец на рубеже веков на родине появился заслуженный интерес к жизни и деятельности выдающегося ученого С. Г. Елисеева, представителя большой семьи предпринимателей и благотворителей, немало сделавшей во имя процветания России, который не по своей воле служил во славу других государств. В Москве летом 1999 г. была проведена международная конференция, посвященная жизни и научной деятельности ученого, его положению в мировом японоведении. Она была приурочена к 110-летию со дня его рождения. К сожалению, конференция оказалась единственной. Она не стала регулярной, хотя С. Г. Елисееву минуло уже более 125 лет, а проводить такие научные форумы, посвященные выдающимся ученым, ныне становится доброй традицией. Помимо материалов о С. Г. Елисееве, прочитанных участниками конференции, можно указать лишь на обширную статью А. М. Решетова [Решетов, 2004]. Д. А. Гранин [Гранин, 1990] и А. В. Краско в книгах, посвященных всему роду Елисеевых [Краско, 1997, 1998, 2010], писали о нем немного. Небольшие, достаточно информативные, но не лишенные погрешностей заметки об ученом были опубликованы в последних сборниках, посвященных деятелям русской эмиграции и репрессированным востоковедам [Русское зарубежье, 1997; Российское научное зарубежье, 2010; Российское зарубежье, 2008–2010; Люди и судьбы, 2003].

В других странах творческое наследие великого японоведа тоже не было достаточно изучено. Более всего о Сергее Елисееве было написано в Японии. Перу недавно ушедшего японского журналиста Курата Ясуо принадлежит вышедшая двумя изданиями единственная в мире книга о русском ученом, созданная на основе воспоминаний самого С. Г. Елисеева и ряда его современников [Курата, 1977, 2007]. Существует также целый ряд статей японских коллег и знакомых Елисеева, записавших его воспоминания в 1960–1970-х гг. в Париже. Возможно, последнее сочинение о Елисееве, опубликованное в Японии, — это дипломная работа выпускника университета Васэда в Токио Конно Харухико «Японовед Елисеев и японоведение» [Конно, 2006]. Но ни она, ни книга Курата, ни статьи не были переведены на европейские языки и, таким образом, остаются недоступны широкому читателю. В этой связи вызывает заслуженный интерес биографическая статья американца Э. О. Рейшауэра о своем учителе, приуроченная к отставке Елисее-

ва из Гарварда в 1957 г. По-видимому, эту небольшую работу следует признать лучшей на сегодняшний день, т. к. в ней не только наиболее точно отражается фактическая сторона, но и дается оценка деятельности С. Г. Елисеева [Reischauer, 1957. P. 1–35]. Она, к сожалению, тоже несвободна от некоторых выявленных неточностей, хотя младший сын С. Г. Елисеева Вадим Елисеев (Elisséeff, Елиссеефф) и писал, что биографические данные, приведенные в статье, были проверены самим ученым.

Воссоздание истории жизни С. Г. Елисеева — и творческой, и личной — оказалось делом очень непростым и очень трудоемким. Обычно в начале своего исследования биографы обращаются к дневникам и воспоминаниям автора в надежде почерпнуть из этих источников максимум информации. В случае с Сергеем Елисеевым этой возможности практически не было. Ученый либо не оставил после себя воспоминаний, либо они были утрачены. Из произведений такого рода сохранился только фрагмент его дневника за неполный январь месяц и несколько дней марта 1919 г., написанный им в Петрограде, а также краткие дневниковые записи из тюрьмы за май–июнь 1919 г. Трудно поверить, что такой аккуратный человек, как Сергей Елисеев, педантично архивировавший все свои документы, не вел дневник в другие периоды своей жизни. Скорее всего, все его возможные записи были намеренно уничтожены либо им самим, либо Вадимом Сергеевичем Елиссеефф незадолго до собственной кончины¹³.

В процессе изучения деятельности С. Г. Елисеева очень большую роль сыграли его многочисленные письма к родственникам, друзьям и коллегам. Прежде всего речь идет о подробных письмах ученого к свояченице Г. П. Мелькебек из Швеции, которые были затем отредактированы им самим и использованы для написания книги [Елисеев, 1993. С. 9–44]. В государственных и частных архивах разных стран отложились деловые и личные письма С. Г. Елисеева к русским и иностранным адресатам. Не все они опубликованы, и далеко не все выявлены на сегодняшний день.

Именно фрагмент дневника за 1919 г. и обширный личный фонд № 16¹⁴ из Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН, в котором вот уже почти сто лет хранятся рукописи статей, материалы к лекциям и докладам, отчеты, записные книжки, записочки для памяти, три письма от друзей, японские адреса, счета, фотографии и прочие важные и не очень документы, отражающие «непосредственно жизнь», — и привлекли к себе внимание автора этого исследования, пожелавшего узнать как можно больше о человеке и ученом Сергее Григорьевиче Елисееве.

Как выяснилось в дальнейшем, образ Елисеева-ученого, востоковеда, создателя американского японоведения, благодаря значительному числу документов, сложился достаточно ярким и рельефным. А вот свидетельств о нем как о человеке сохранилось не так много. Дети его умерли, не осталось в живых почти никого из его учеников. Хорошо знавшая Сергея Григорьевича его невестка

Даниэль Елиссеефф, — рассказывает о нем как о приятном, милом и в то же время неординарном человеке. Некоторые из его современников поделились своими воспоминаниями о нем. Его коллеги и ученики всегда отмечали особый лучистый взгляд Елисева, его деликатность и мягкое чувство юмора. Ученый был невысокого роста (170 см), с годами приобрел довольно грузное телосложение, что не помешало ему оставаться хорошим спортсменом. Он любил рисовать и музицировать на фортепиано¹⁵. Его искренние письма к друзьям и коллегам говорят о том, что он ценил дружбу и любовь, дорожил семьей, тонко чувствовал красоту природы. Предпочитал шампанское фирмы “Moët et Chandon” и хорошие французские вина, избегая крепких напитков¹⁶. Он любил и ценил жизнь во всех ее проявлениях — именно таким он запомнился всем, знавшим его.

Особый интерес вызывают пронзительные воспоминания об отце его младшего сына Вадима Сергеевича Елиссеефф, датированные 21 декабря 1998 г. «...С течением времени у его детей представления о нем становились все более поучительными и захватывающими. Первое воспоминание о нем — как о человеке крепком, мужественном, требовательном и жестком, но всегда улыбающемся, о человеке, который прекрасно владел собой, был до конца нежным и верным другом нашей матери, Веры Петровны, актрисы¹⁷, художницы и иллюстратора, чьи чувствительность и мудрость помогали ей поддерживать семейный очаг со всей присущей ей мягкостью и величием души.

В моей памяти остались воспоминания о его учебе, которая, однако, не помешала ему заниматься многими видами спорта: от фигурного катания до фехтования. Он страстно любил верховую езду и прекрасно владел искусством выездки. Кроме того, совершенно неожиданно увлекся английским боксом, не для нападения или защиты, а для того, чтобы знать, как бить и как получать удары, и уметь противостоять неудачам, которые приходят в самый неподходящий момент. Мы же, несмотря на всю сложность этих упражнений, никогда не забывали данных им уроков.

В отрочестве образ учителя и воспитателя сменился примером для следования. Работая без устали, Сергей Григорьевич стремился к совершенству и поэтому всегда доводил до конца все свои начинания в философии и каллиграфии, в живописи и музыке. Самая большая его гордость — то, что его успехи в колледже¹⁸ Ларинский были отмечены золотой медалью, о чем при каждой нашей школьной неудаче вспоминала Вера Петровна.

Самые первые мои воспоминания относятся к картинам жизни молодого ученого, поскольку мы прочувствовали и прожили эту жизнь вместе с ним. Мы все знаем, что начало его призванию к изучению Японии было положено ужасным концом русско-японской войны и эмоциональным шоком, который он у него вызвал. С этого момента он захотел прояснить для себя все “как” и “почему” этой драмы. Когда же в итоге, после долгих 12 лет, посвященных изучению данной проблематики, он почувствовал в себе силы объяснить происходящее, разразилась новая национальная драма — приход народовластия.

В письме от 13/26 марта 1917 г. к своему другу Николаю Невскому Сергей Григорьевич радуется этому изменению, разделяя энтузиазм молодой партии, точнее говоря, он ликует. Время иллюзий было кратким, очень кратким. Несмотря на его личные успехи (член Музея Азии¹⁹ с 1917 г., член Новой Археологической Академии²⁰ с 1918 г., секретарь философского отделения Петроградского университета²¹), его энтузиазм споткнулся о социалистическую революцию. Как всегда, ему пришлось подчиниться и действовать в русле марксистской догмы. Это было ему не по силам, принимая во внимание манифестации, волнения, новые кризисы и угрозы власти красных. Он сам и члены его семьи преследовались. Его несколько раз задерживали, и он получал угрожающие послания. Устав от всего этого, он решил покинуть город вместе с Верой Петровной и своими двумя сыновьями. В своем «Дневнике заложника Красной России», опубликованном в первый раз в Японии и второй раз — в «Тью корон»²² в 1976 г., среди других фактов бегства можно найти описание бегства ночью, на лодке, под выстрелы и крики и плач испуганных детей, по которым их могли обнаружить.

В 1920 г. наши родители устраиваются в Париже, и здесь возникают все проблемы, связанные с эмиграцией, которые они могли разрешить благодаря тому, что слепо верили в свое счастье. Как у многих других, их жизнь сводилась к множеству мелочей, длительной учебе и главное — к бессонным ночам (они часто не спали до зари).

В семье Сергея Григорьевича часто видели лишь мельком, он приходил, как порыв ветра, а иногда пропадал неделями. Изучая его библиографию, нельзя не отметить его огромную активность в Париже: около шестидесяти²³ трудов в одно десятилетие и около тридцати за все остальное время. И все же он редко забывал баловать нас по воскресеньям во второй половине дня своей нежностью, которую мы с восторгом принимали, и радовать нас своей изобретательностью, придумывая новые забавы и игрушки. Иногда, когда заходил его брат, живший по соседству, мы имели право присутствовать при семейных разговорах, смысла которых мы не понимали, но чувствовали, что они касаются всех нас. Кроме православной Пасхи, отмечаемой по всем правилам, постом и молитвами, у нас в доме всегда было много радостных моментов. Все служило предлогом для праздника, отмечаемого одним кусочком сахара к обжигающему чаю, который мы пили из блюдца.

После отъезда наших родителей в Гарвард мы были вместе только во время каникул, на более или менее долгие недели. Мы посетили Страну басков, которую Вера Петровна, в память о своем учителе Петрове-Водкине²⁴ и к моей огромной радости, рисовала много раз; Португалию, Соединенные Штаты, которые мы объездили вдоль и поперек. Иногда, когда мы были дома одни два-три дня, нам разрешали ходить купаться в бурные волны реки Мэн и спускаться на лыжах по гладким, занесенным снегом холмам Солнечной Долины. Мы все наслаждались этой прекрасной жизнью, когда вдруг летним днем 1939 г. услышали о начале войны в Европе. Наши родители были просто раздавлены этим неожиданным известием.

Мы никогда не видели отца таким безнадежно напуганным. Оба его сына, офицеры запаса, немедленно решили стать под знамена Франции²⁵.

В июне 1946 г. мы снова увидели синее небо над головой и оказались в Кембридже, вновь начав заниматься семейными делами, которые были прерваны на семь лет войной и Соппротивлением. Свободное время я посвящал тому, что продолжал изучать синологию²⁶, слушал лекции Francis W. Cleaves²⁷, бывшего ученика Paul Pelliot²⁸, как и я сам. Хотя мне и не хватало отцовских уроков, я тем не менее был счастлив проводить долгие вечера за чтением (по указанию Сергея Григорьевича) целых страниц Чжуан-цзы²⁹: описания полетов Великого Орла Пенга занимали все мое воображение. Это были самые прекрасные моменты моей жизни, одни из тех, которые не забываются никогда, потому что воспоминания о них спрятаны в самой глубине души.

Мне думается, что это последнее воспоминание позволяет нам представлять Сергея Григорьевича с его лучезарной улыбкой...» [Елисеев В., 2000. С. 9–11].

При работе над этой книгой автор основывался на документальных материалах, обнаруженных в государственных и ведомственных архивах России (Архив востоковедов ИВР РАН; архив ИИМК РАН; ЦГИА СПб.; ЦГА СПб.; ГАРФ; архив РИИИ; архив ГЭ; АРАН; СПбФ АРАН; РГАЛИ; ЦГА КФФД СПб.; Отдел рукописей РНБ), а также ряде архивов Франции, США, Японии и Чехии. Были также использованы документы и фотографии из семейных архивов родственников и потомков друзей С. Г. Елисеева из разных стран. Документы из архивов Франции были переведены с французского языка, из архивов США — с английского языка, из Дипломатического архива Токио — с японского и французского (оговорено особо). Все документы на русском языке, в том числе, письма С. Г. Елисеева, приводятся в старой или авторской орфографии и пунктуации. Все японские имена и названия, за исключением устоявшихся написаний, приведены в поливановской транскрипции и не изменяются по падежам.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Васильев Василий Павлович (1818–1900) — русский востоковед: китаевед, буддолог, санскриптолог. Академик Императорской Санкт-Петербургской АН (1886), профессор ФВЯ.

² Татибана Косай (Кумэдзо) (1820–1885), в крещении Владимир Иосифович Яматов. Тайно бежал из Японии с русскими моряками. В Санкт-Петербурге служил переводчиком в Азиатском департаменте МИД. В 1874 г. вернулся в Японию.

³ Куроно Ёсубуми (1859–1918) — многолетний преподаватель японского языка на ФВЯ. Дипломированный русист. Окончил школу русского языка при православной миссии в Токио и школу иностранных языков по классу русского языка.

⁴ Костылев Василий Яковлевич (1848–1918) — востоковед, один из первых русских японоведов, получивших базовое китаеведческое образование. Главный его труд «Очерк по истории Японии» (СПб., 1888) — одно из первых русскоязычных исследований такого рода. При его написании

использовал источники из ряда стран Азии. Составил подробный русско-японский словарь разговорного языка (СПб, 1914). В 1885–1890 гг. был русским консулом в Японии [Биографика СПбГУ].

⁵ Спальвин Евгений Генрихович (1872–1933) — один из первых российских японоведов. Во время пребывания в Японии в 1899–1900 гг. сумел овладеть японским языком и осенью 1900 г. стал профессором японского языка Восточного института, где проработал 25 лет. Создал ряд учебных пособий по японскому языку. В это время между ним и Д. М. Позднеевым возникла острая полемика по поводу написания учебников и компетентности каждого из них в японском языке. В 1920 г. — профессор Дальневосточного университета, преобразованного из Восточного института. С 1925 г. — секретарь Советского посольства в Токио. С 1931 г. работал в управлении КВЖД в Харбине. Написал книгу «Япония, увиденная со стороны», которая была опубликована уже после его смерти. В Японии считался крупным японоведом [Икута, 2001. С. 28–34].

⁶ Доля (Доль, Дуля) Геннадий Иванович (1876–1931) — японовец, дипломат. Ученик Е. Г. Спальвина, интересовался теорией и историей японского языка. На службе в МИД с 1907 г. В 1912 г. — драгоман Генерального консульства Российской империи в Мукдене. В 1917 г. — секретарь Российского консульства в Куанчендзы (Маньчжурия). Был в эмиграции в Китае [Биографика СПбГУ].

⁷ Иванов Алексей Иванович (1877–1937) — китаевед, тангутовед, японовец. Окончил китайско-маньчжурско-монгольский разряд ФВЯ в 1901 г. С 1913 г. профессор, с 1915-го заведующий кафедрой китайско-маньчжурской словесности, служил в МИД. В советское время продолжал преподавать и работал в ряде научных учреждений, а также переводчиком-консультантом в МИД. Арестован в августе 1937 г. по обвинению в шпионаже, в октябре расстрелян. Реабилитирован в 1958 г. [Люди и судьбы, 2003. С. 178].

⁸ «Манъёсю» («Собрание мириад листьев», Елисеев переводит как «Сборник многих поколений») — первая антология японской поэзии на японском языке. Датируется серединой VIII в. Состоит из 20 книг, в которых содержатся 4496 песен периода IV (или V) — VIII вв. [Горегляд, 1997. С. 61–62].

⁹ «Кокинсю» или «Кокин вакасю» («Сборник старых и новых японских песен») — поэтическая антология эпохи Хэйан, составленная по распоряжению императора. Относится к первой четверти X в. Содержит 1100 стихотворений, которые впервые сгруппированы в отдельные книги по тематическому признаку [Горегляд, 1997. С. 129–137].

¹⁰ Васкевич Павел Юрьевич (Георгиевич) (1876–1958) — русский японист и дипломат. 17 октября 1902 г. его студенческая научная работа была удостоена Золотой медали им. генерал-лейтенанта Н. М. Чичагова Восточного института. Во время русско-японской войны был советником-переводчиком в дипломатической канцелярии заместителя на Дальнем Востоке адмирала Е. И. Алексева. Управляющий русского консульства в Фузане (Пусане, Корея), в 1911–1917 гг. драгоман посольства царской России в Токио. В 1909 г. несколько месяцев заменял в посольстве штатного драгомана А. К. Вильма. В 1917–1925 гг. — консул в Дайрене (рус. Дальний, кит. Далянь). Был в эмиграции в Японии.

¹¹ «Библиотека Буддика».

¹² И тогда, и сейчас незначительное число работ С. Г. Елисеева хранилось и хранится в отделе ИВ РАН при ИВР РАН (преемнике Азиатского музея) в Санкт-Петербурге, а также в библиотеке ИВ РАН (отдел ИНИОН), РГБ и ВГБИЛ им. М. И. Рудомино в Москве.

¹³ Вдова В. С. Елисеєфф, Даниэль Елисеєфф (Elisséeff), рассказала, что обширный архив документов С. Г. Елисеєва после его смерти в 1975 г. долгое время хранился в семье старшего сына — Н. С. Елисеєва (Elisséeff, Елисеєфф), поскольку его семья проживала в Лионе в собственном доме.

Даниэль Елисеєфф, урожд. Пуаль (Poisle) — известный французский историк Китая, археолог, специалист в области искусства Китая и Японии. Сотрудник Центра исследований современного Китая Школы высших исследований в области социальных наук (École des Hautes Études en Sciences Sociales (EHES)). Автор целого ряда книг по истории, археологии, культуре и искусству Китая и Японии. Несколько книг в соавторстве с В. С. Елисеєфф. Две их совместные работы переведены на русский язык.

¹⁴ Фонд С. Г. Елисеева, безусловно, включает далеко не все документы и записи автора. В частности, отсутствуют каталоги коллекции укиё-э С. Н. Китаева, ряд статей С. Г. Елисеева и протоколы заседаний научных обществ, в деятельности которых он принимал участие. Факт наличия этих документов подтверждается благодаря составленному Елисеевым списку [АВ. Ф. 16, оп. 1, ед. хр. 302].

¹⁵ Упомянуты хранившиеся у него в Петрограде в 1914–1920 гг. ноты для игры в четыре руки [АВ. Ф. 16, оп. 1, ед. хр. 302].

¹⁶ «Я помню, в одном из писем я сослался на Пушкина в связи с моим любимым шампанским “Moët et Chandon”... Раз в неделю, по воскресеньям, когда Вадим приходит к нам обедать со своей новой подругой, я позволяю себе выпить небольшой стакан хорошего бордоского красного вина, одного из Château, вспоминая Пушкина» [Из письма С. Г. Елисеева Ор. В. Плетнеру от 31 декабря 1967 г. Цит. по: Ермакова, 2005. С. 254].

¹⁷ Скорее всего, ошибка переводчика. В. П. Елисеева не была актрисой.

¹⁸ Гимназии.

¹⁹ Азиатского музея.

²⁰ Академии истории материальной культуры.

²¹ Секретарь филологического отделения факультета общественных наук Петроградского университета.

²² Имеется в виду японское издательство «Тюо корон».

²³ Чуть более семидесяти.

²⁴ Скорее всего, это ошибка. Данные, подтверждающие информацию о том, что В. П. Елисеева училась у К. С. Петрова-Водкина, не обнаружены.

²⁵ Некорректный перевод. Означает просто «были призваны в армию».

²⁶ В. С. Елисеев (Елисеевф) в 1946 и, возможно, 1947 гг. два семестра учился в аспирантуре в Гарвардском университете.

²⁷ Кливз Фрэнсис Уодман (1911–1995) — известный американский востоковед, историк и писатель, основатель монголоведения в США. Окончил магистратуру Гарвардского университета, обучался у П. Пельо в Париже и у А. Мостэра в Пекине. В 1933 г. поступил в аспирантуру в Гарварде. Преподавал китайский и монгольский язык в Гарварде, начиная с 1941 до 1986 г., поставив своеобразный, почти 50-летний рекорд. Во время Второй мировой войны служил во флоте, затем занимался репатриацией японского населения из Северного Китая [Brief History].

²⁸ Пельо Поль (1878–1945) — выдающийся французский китаевед и исследователь Центральной Азии. Профессор китайского языка во Французском институте Дальнего Востока в Ханое. В 1906–1909 гг. возглавлял экспедицию в Центральную Азию. Профессор Коллеж де Франс, член Французской академии надписей и изящной словесности, иностранный член-корреспондент АН СССР. Президент «Азиатского общества». Главный редактор китаеведческого журнала «Тун бао» (“*Toung Pao*”). После смерти Э. Шаванна — глава французского китаеведения.

²⁹ Чжуан-цзы — китайский философский трактат, названный по имени великого китайского философа (настоящее имя Чжуан Чжоу (ок. 369–286 гг. до н. э.)), одного из главных представителей даосизма. Автор значительной части трактата. Пэн (Peng) — гигантская птица в древнекитайской мифологии, которая впервые упоминается в книге Чжуан-цзы.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Глава 1. Начало	17
Глава 2. Япония	31
Глава 3. Возвращение в Петроград	64
Глава 4. Париж	118
Глава 5. Гарвард	167
Глава 6. Париж. Последние годы	230
Приложение 1. С. Г. Елисеев. Петроградский дневник. 1919 г. Подготовка к публикации, предисловие и комментарий С. И. Марахоновой	246
Приложение 2. С. Г. Елисеев. Фрагменты записных книжек. Подготовка к публикации и комментарий С. И. Марахоновой.	318
Приложение 3. С. Г. Елисеев. Тюремный дневник Подготовка к публикации и комментарий С. И. Марахоновой.	322
Приложение 4. Письма С. Г. Елисеева к Г. П. Мелькебек . Осень 1920 г. Подготовка к публикации, предисловие и комментарий С. И. Марахоновой	326
Приложение 5. С. Г. Елисеев. Глава из книги «Дневник заложника Красной России». Комментарий С. И. Марахоновой. Перевод с японского Ф. В. Кубасова.	361
Библиография С. Г. Елисеева	367
Указатель имен	376
Список сокращений.	398
Литература	401
Список иллюстраций.	423

CONTENTS

Introduction	5
Chapter 1: The Beginning	17
Chapter 2: Japan	31
Chapter 3: Return to Petrograd	64
Chapter 4: Paris	118
Chapter 5: Harvard	167
Chapter 6: Paris. The Last Years	230
Supplement 1. S. G. Eliseev. The Petrograd Diary. 1919. The preparation for publication, introduction and commentary by S. I. Marakhonova.	246
Supplement 2. S. G. Eliseev. Fragments of Note books. The preparation for publication and commentary by S. I. Marakhonova.	318
Supplement 3. S. G. Eliseev. The Prison Diary. The preparation for publication and commentary by S. I. Marakhonova.	322
Supplement 4. S. G. Eliseev. Letters to G. P. Melckebeke. Fall 1920. The preparation for publication, introduction and commentary by S. I. Marakhonova.	326
Supplement 5. S. G. Eliseev. Chapter from the book “Hostage Diary in Soviet Russia”. Commentary by S. I. Marakhonova. Translated from Japanese by F. V. Kubasov.	361
S. Elisséeff’s bibliography	367
Index	376
Abbreviations	398
References	401
List of the pictures	423

Научное издание

Марахонова Светлана Ивановна

**ОРДЕН СВЯЩЕННОГО СОКРОВИЩА
СЕРГЕЯ ЕЛИСЕЕВА**

Как сын русского купца стал основателем
американского японоведения

Редактор и корректор *Я. Афанасьева*
Художественный редактор *Л. А. Крылова*
Дизайн обложки: *С. В. Лебединский*
Макет: *Е. А. Муштай*

Подписано в печать 29.05.16. Формат 70×100/16. Усл. п. л. 44,25.
Бумага офсетная, мелованная (вкладки). Печать офсетная. Гарнитура Миньон.
Тираж 500 экз. Заказ № 3979

Издательство СИНЭЛ.
Санкт-Петербург, ул. Курчатова, 10.

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия В. О., д. 12/28

ISBN 978-5-9908187-6-7

9 785990 818767

Марахонова Светлана Ивановна родилась в Ленинграде. Окончила восточный факультет Ленгосуниверситета по кафедре Истории стран Древнего Востока. По окончании аспирантуры в Институте востоковедения АН СССР защитила кандидатскую диссертацию по раннехристианским рукописям на коптском языке из Наг Хаммади. Автор ряда работ по этой тематике. Работает в Институте восточных рукописей РАН. Последнее время занимается изучением истории российского востоковедения на основе архивных документов. Прделала большую работу по подбору и подготовке научных материалов для музея отечественного востоковедения, который был открыт в ИВР РАН в 2010 г. Много лет посвятила исследованию жизни и научного творчества всемирно известного ученого-японоведа С. Г. Елисеева, практически забытого в СССР. Опубликовала большое количество работ, посвященных этой теме. По грантам Японского фонда и французского Дома наук о человеке в 2012 и 2013 гг. провела ряд исследований в архивах и библиотеках Японии и Франции, а также США.